

Стремясь к простоте и естественности, Шишков вступает в своеобразное «соствязание» с Л. Тиком, освобождаясь от сложных образов, символических олицетворений и т. д. В народной книге лес, где заблудился Фортунат, — «дикий» (wild) и «обширный» (gross) [15, с. 35]. Тик же говорит о лесе как о «лабиринте», подчеркивает его «тьму бескрайнюю» (endlos Dunkel) [16, с. 130]. У Шишкова проще, а тем самым ближе к народной книге: лес «без конца и мрачен».

Признавая за немецким романтиком полное право на выражение современного взгляда в фольклорном сюжете, Шишков вместе с тем в отличие от Тика делает это с простотой, свойственной его простонародному источнику. Шишков передает точку зрения Тика на мир, но одновременно как бы реконструирует фольклорный «затекст» пьесы. Примерно то же самое находим у Пушкина. Современные авторские реалии в «Сказке о царе Салтане...» нисколько не нарушают общего фольклорно-сказочного колорита. «Кабы», «молвила», «светлица», «батюшки-царя» и т. п. — все это характерная народно-поэтическая лексика.

Итак, стиль русского «Фортуната» отличается от немецкого оригинала тем, что философские образы Тика получают в переводе Шишкова более конкретное, почти «нагое» словесное выражение. Когда же подобная простота недостижима, русский переводчик непонятный поэтический код переводит на более понятный, знакомый читателю по национальной элегической традиции.

Например, в сказке Тика есть эпизод, когда сын Фортуната — Андалозия, сам того не желая, по своей оплошности остается на пустынном ирландском острове. Отчаяние его беспредельно:

«...Ich bin schon längst vernichtet,
Und ein Gespenst der Albernheit haust noch
Und spielt in diesen Gliedern, höhern Geistern
Mit Affengrinsen und mit Schalkheitstand
Ein Theil der Ewigkeit hinweg zu scherzen».

[16, с. 343]²

У Тика «призрак глупости» (Gespenst der Albernheit) наделен «обезьяньей усмешкой» (mit Affengrinsen), «бесовским плутовством» (mit Schalkheitstand). Он не просто «живет», но «играет» (spielt) в членах несчастного Андалозия, стремясь «отшутить у высших духов часть вечности» (Ein Theil der Ewigkeit hinweg zu scherzen).

А теперь хотя бы на секунду представим себя в положении Александра Ардальоновича Шишкова: как перевести нагромождение этих философских образов, чуть ли не каждый из которых оказывается словом, в свернутом виде содержащим целые теории раннего немецкого романтизма: «игра» — das Spiel, «шутка» — der Scherz — опорные понятия в эстетике Фр. Шлегеля. Вся эта «туманная ученость» русскому читателю непонятна. Однако у того же читателя, воспитанного на традициях романтического стиля Жуковского и Батюшкова, был свой навык разгадывания сложных поэтических смыслов. Ориентиром для него служили так называемые слова-сигналы, передающие в элегической лирике настроения отчаянья, тоски, смятенья. Например, у Жуковского — «О милый гость, святое Прежде». Или у Батюшкова: «Мы область призраков обманчивых прошли». И тогда вместо «призрака глупости» у Шишкова появляется «призрак жизни прежней». Русскому читателю выражение «отшутить часть вечности» в высшей степени непонятно. Однако ему хорошо понятен весь комплекс эмоционально-субъективных значений, который стоит, например, за такими стилистическими формулами, как «молния страстей»,

² Приводим подстрочный перевод этого отрывка: «Я давно уж уничтожен, / И призрак глупости еще живет / И играет в этих членах / С обезьяньей усмешкой и с бесовским плутовством, / Стремясь у высших духов отшутить часть вечности».